

А. В. Стогова

ORCID: 0000-0003-0322-1397

✉ anna100gova@yandex.ru

Институт всеобщей истории РАН
(Россия, Москва)

МЕЖДУ ХАРАКТЕРОМ, РОМАНОМ И ПАСКВИЛЕМ: ВЗГЛЯД ФРАНЦУЗСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА XVII В. НА АНГЛИЙСКУЮ КУЛЬТУРУ

Аннотация. В статье анализируется казус со скандалом вокруг «Описания путешествия в Англию» Самюэля Сорбьера (1664). Публичная реакция в Англии, в первую очередь «Замечания» Томаса Спрэта (1665), дает редкую возможность увидеть читательскую реакцию англичан на то, какой их национальной культура предстает в описании иностранца. Анализ показывает, что их негодование было вызвано не столько негативными отзывами, сколько манерой, в которой они были преподнесены. Она интерпретировалась в контексте тех дискурсов и типов текстов, в рамках которых в Англии и Франции 1660-х годов выстраивалась дистанция между обладающим знаниями, искусственным автором и объектом его внимания, а равным образом и читателем. В статье рассмотрены несколько французских литературных конвенций, которыми определялась манера изложения, избранная Сорбьером, — салонная литература, сочинения либертенов и моралистическая традиция, а также те контексты, в рамках которых написанный подобным образом текст прочитывался его английским критиком, — политическая сатира, ученая литература и романы. Различия в литературных конвенциях ассоциировались с культурно-национальными, а не личными приоритетами, а потому способствовали конституированию национальных дискурсов.

Ключевые слова: Сорбьер, Спрэт, нация, путешествие, роман, характер, пасквиль, любопытство, галантность, наука

Для цитирования: Стогова А. В. Между характером, романом и пасквилем: взгляд французского путешественника XVII в. на английскую культуру // Шаги / Steps. Т. 8. № 1. 2022. С. 220–239. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-1-220-239>.

Статья поступила в редакцию 8 июля 2021 г.
Принято к печати 28 августа 2021 г.

A. V. Stogova

ORCID: 0000-0003-0322-1397

✉ anna100gova@yandex.ru

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)*

BETWEEN CHARACTER, NOVEL AND LIBEL: A SEVENTEENTH-CENTURY FRENCH TRAVELLER'S VIEW OF ENGLISH CULTURE

Abstract. This article analyses the case of the scandal around Samuel Sorbière's *Relation d'un voyage en Angleterre (Report of a journey to England)*, published in 1664. The public reaction in England, most notably Thomas Sprat's *Observations on monsieur de Sorbier's "Voyage into England"* (1665), provides a rare opportunity to see the reader's reaction of the English to how their national culture appears in a foreigner's description. The analysis shows that the indignation was caused not by the negative comments themselves, but by the way in which they were presented. It was interpreted in the context of discourses and types of texts within which, in England and France in the 1660s, distance was created between the knowledgeable, sophisticated author of the statement and the object of his consideration, and equally so between the author and the reader. This article examines several French literary conventions that defined the manner of presentation chosen by Sorbière —salon literature, libertine writings and the moralistic tradition — as well as those contexts within which the text written in this way was read by the English critic — political satire, scholarly literature and romances. The differences in literary conventions were associated with cultural and national rather than personal priorities, and therefore contributed to the institutionalization of national discourses.

Keywords: Sorbière, Sprat, nation, travel, romance, character, libel, curiosity, galanterie, gallantry, science

To cite this article: Stogova, A. V. (2022). Between character, novel and libel: A seventeenth-century French traveller's view of English culture. *Shagi / Steps*, 8(1), 220–239. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-1-220-239>.

Received July 8, 2021

Accepted August 28, 2021

Описания путешествий, или травелоги, представляют собой своеобразный тип текстов, который отсылает к опыту, выходящему за рамки обыденного. Это было даже более, нежели сейчас, очевидно для культур, в которых само путешествие еще не превратилось в привычную, почти банальную практику, а информация о других городах, странах и регионах не была столь обширной и легкодоступной. До того, как сформировалась современная индустрия туризма, в европейской культуре раннего Нового времени путешествие в места, где ты еще не бывал и о которых знаешь лишь по немногочисленным и нередко устаревшим описаниям, гораздо чаще и в гораздо большем масштабе оказывалось опытом, не совпадавшим с ожиданиями. Неслучайно «удивление» стало одной из основных категорий описания в литературе о путешествиях и в целом в текстах, связанных с изучением мира [Evans, Mart 2006; Jones 2019].

Неожиданности поджидали не только путешественников, но также авторов и читателей травелогов. Основной читательской аудиторией подобных текстов были вовсе не те люди, которые собирались в чужие края, хотя, конечно же, и они читали сочинения своих предшественников. Анна Сураньи, основываясь на описях частных библиотек и упоминаниях травелогов в личных документах, показала, что большая часть английских читателей подобной литературы в XVI–XVII вв. вела малоподвижный образ жизни и воспринимала ее в контексте привычного для нее опыта, как житейского, так и читательского [Suranyi 2008: 33–34]. Посему и способ прочтения, и, соответственно, стратегии написания подобных текстов были совершенно иными. Публичная судьба травелогов определялась не столько оригинальностью, увлекательностью, точностью или полезностью информации и формы ее подачи, сколько тем, как она коррелировала с актуальными политическими, литературными, научными дискуссиями и настроениями и каким литературным и социальным конвенциям соответствовал или не соответствовал тот или иной текст. Как отмечал Джонатан Селл в своем исследовании о риторике удивления в английских травелогах, подобные тексты писались «в соответствии с дискурсивными практиками и эпистемологическими ожиданиями, с которыми мы сегодня не знакомы» [Sell 2006: 2]. Будучи рассматриваемы с иных позиций, нежели современные описания путешествий, эти тексты предполагали и иную систему координат в оценивании интересного/скучного, правдивого/ложного, обычного/неординарного, приемлемого/недопустимого. И по мере того как сами путешествия, так и тексты о них становились все более популярными в Европе раннего Нового времени, эти конвенции неизбежно оказывались все более разнообразными и изменчивыми, и ожидания автора и читателя могли оказаться очень различным, особенно если они принадлежали к разным социальным слоям, поколениям, интеллектуальным и национальным культурам.

Несмотря на то, что вопрос прочтения литературы о путешествиях оказывается в центре внимания современных исследователей, изучающих специфику и статус *travel literature* в культуре раннего Нового времени [Di Biase 2006; Pincombe 2004], они, как правило, ограничиваются сопоставлением текстов различных путешественников, которые не только прочтывают и переводят в свою систему представлений элементы чужой культуры, но и проделывают то же самое с текстами своих предшественников — заимствуя, переинтерпретируя, помещая в контекст собственного опыта уже известные высказывания

об интересующих их землях. В значительной мере это связано с тем, что недостаток источников дает нам немного возможностей оценить иной тип читательской реакции.

В этом отношении совершенно уникальные возможности предоставляет изучение истории, связанной с путешествием в Англию Самюэля де Сорбьера, с публикацией его «Описания путешествия в Англию, в котором затрагиваются вопросы состояния наук и религии, а также другие любопытные предметы» и с публичной реакцией на его появление. Текст Сорбьера хорошо известен, но при этом история, связанная с возникновением и последующей его интерпретацией, как ни удивительно, почти не привлекает внимания современных историков, несмотря на то что «Описание» является единственным известным травелогом этого времени, спровоцировавшим международный политический скандал и получившим широкий отклик как в Англии, так и во Франции.

Самюэль де Сорбьер был племянником очень известного протестантского пастора Самюэля Пети, но в 1653 г. перешел в католицизм, а в 1660 г. получил должность королевского историографа. Он был литератором и переводчиком, который сам не оставил каких-то значимых работ, но при этом был страстно увлечен новым знанием, активно развивавшимся в XVII в. Сорбьера традиционно причисляют к вольнодумцам или по меньшей мере скептикам, а также к популяризаторам науки и философии. Во Франции он был известен как один из первых англофилов и переводчик нескольких английских текстов, включая «Британию» Уильяма Кэмдена, «Утопию» Томаса Мора, «Исторический очерк последних волнений в Англии» Джорджа Бейтса и, наконец, «О гражданине» Томаса Гоббса. Английского языка Сорбьер, как и подавляющее большинство французов того времени, не знал и не видел в том необходимости, все эти труды переводились с латыни. Он был членом различных научных сообществ и лично знаком с самыми выдающимися умами, включая Пьера Гассенди, Томаса Мора, Рене Декарта, Томаса Гоббса, Гуго Гроция и Кристиана Гюйгенса. Равным образом Сорбьер очень интересовался вопросами словесности и поддерживал переписку с такими маститыми литераторами, как Валантен Конрар, Жан Шаплен, Жиль Менаж, и заслужил репутацию либертена своими суждениями о политике и морали. Очень широкий круг интересов Сорбьера включал в себя также путешествия и травелоги. В изданном им в 1660 г. собрании писем и рассуждений [Sorbière 1660a] этой теме было посвящено сразу несколько текстов¹, опиравшихся не только на высказывания авторитетных авторов, но и на собственный опыт путешествий, самым известным и скандальным из которых стала поездка в Англию.

Сорбьер высадился на британской земле в начале лета 1663 г. и провел там три месяца, преимущественно в Лондоне². Репутация, которой он пользовался в ученых кругах, позволила ему стать почетным членом Лондонского королевского общества и присутствовать на заседаниях, посетить Оксфорд и Бодлеанскую библиотеку, а также быть принятым Карлом II. Меньше чем через

---

¹ Письма «Il l'exhorte à publier une Relation de ses voyages», «De l'utilité des grandes voyages et de la lecture des Relations», «Advis pour un voyage»; рассуждения «Que de peu connoissance que nous avons des choses naturelles, ne nous doit pas d'estouner de leur estude», «De la beauté de Paris et de ce qu'il y a d'incommode».

² Кроме достопримечательностей Кента, увиденных по дороге в британскую столицу, Сорбьер описывает только поездку в Оксфорд.

год после возвращения Сорбьера во Францию было опубликовано «Описание путешествия в Англию, в котором затрагиваются вопросы состояния наук и религии, а также другие любопытные предметы». Эти «любопытные предметы» касались достопримечательностей, нравов и обычаев англичан, их науки, религии и государственного устройства. В тексте наряду с похвалами было немало негативных суждений как об отдельных людях, так и о характере английской нации. Они являлись отражением расхожих топосов о характере европейских народов в литературе XVI–XVII вв. Андре Мориз в начале XX в. с иронией писал о том, что Сорбьер обещает читателю много любопытного и в целом ему это удается, если только читатель не будет придираться к слову «любопытный» (*curieux*), поскольку почти ничего нового Сорбьер не сообщил [Morize 1907: 256]. Анализ текста «Описания» приводит его к выводу, что почти все топографические сведения Сорбьер заимствовал из «Британии» Кэмдона, а замечания, касающиеся характера, нравов и образа жизни англичан, — из текстов французских писавших об Англии [Ibid.: 238]. Сорбьер и сам дает этому объяснение: «Кто не знает столь близких соседей? Разве мы не видимся всякий день? Разве нет книг, которые рассказали бы нам то, чего мы не видим?» [Sorbière 1980: 9].

Его сочинение было очень быстро прочитано английскими и голландскими читателями и, несмотря на очевидную неоригинальность суждений, удивительным образом воспринято как публичное оскорбление и вызвало настоящий скандал. Реакция в Англии была быстрой и бурной. В значительной мере это связано с тем, что книга появилась в крайне неудачное для всех время, когда Людовик XIV надеялся заручиться поддержкой английского короля Карла II в борьбе против Голландии, а сам Карл II стремился упрочить свою недавно восстановленную власть.

Политическая составляющая конфликта строилась англичанами³ в основном вокруг тезиса о том, что Сорбьер нанес оскорбление английскому министру лорду Кларендону. Напоминая читателям, что лорд-канцлер получил юридическое образование, Сорбьер заметил, что тот является настоящим законником, «сведущим в тонкостях правосудия, но мало каких других, и совершенно не разбирающимся в изящной словесности (*entendant les formalitez de iustice; mais peu les autres choses, & ignorant des belles lettres*)» [Sorbière 1980: 97]. Французский посол в Лондоне, граф де Комманж, отмечал в своих письмах министру иностранных дел маркизу де Лионну: «Сударь, надеюсь, вы сумеете залечить рану, нанесенную господином де Сорбьером, и ваше постановление произведет хороший эффект!» (цит. по: [Morize 1907: 264]). Речь идет о постановлении на арест книги, скорость появления которого свидетельствовала о серьезности нанесенной «раны». Книга была напечатана к 16 мая 1664 г., а 9 июля де Лионн подписал документ о том, что тираж дерзкой и безрассудной сатиры должен быть арестован, а автор книги сослан в Нант. Нанесенное англичанам оскорбление описывалось следующим образом:

³ А. Мориз доказывал, что главная причина шума вокруг сочинения Сорбьера была связана с Голландией и шпионскими интригами, очень кратко, но совсем не вовремя отображенными в тексте. В данной статье мы опускаем этот вопрос, поскольку он не имеет прямого отношения к исследованию. Подробнее см.: [Morize 1907: 257–266].

Автор под тем предлогом, что он с полной наивностью рассказывает об увиденном, позволяет себе выступать против истины с различными вещами, порочащими английскую нацию, и имеет наглость высказывать клеветническое суждение о личных качествах и поведении одного из основных министров короля Великобритании [Arrest 1664: 3–4].

Оговорка о притворной «полной наивности», предупреждающая, что в словах Сорбьера не нужно видеть ни глупости, ни безыскусной простоты, очень любопытна. Ричард Сколар в своих рассуждениях о понимании наивности в Англии и Франции XVII в. отмечает, что оно колебалось между «безыскусностью» и «идиотизмом». Но еще более интересной особенностью слова *naïveté* является то, что его употребление в гораздо большей степени характеризует говорящего, нежели того, кому приписывается наивность, поскольку сам факт говорения о ней выстраивает дистанцию между невинностью объекта высказывания и опытом, пронизательностью говорящего [Scholar 2020: 101–102]. Однако зачем рассуждения о наивности появляются в тексте, где можно было ограничиться обвинениями в дерзких, лживых и оскорбительных высказываниях? Разоблачение французскими властями мнимого простодушия Сорбьера выстраивает подобную дистанцию не только по отношению к автору «Описания», не сумевшему никого обмануть, но и намекает на существование наивного читателя, принявшего его оскорбление за чистую монету. Как бы ни интерпретировали французские власти высказывание путешественника и за что бы его ни осуждали (а текст постановления показывает, что «дерзость и безрассудность этой сатиры» [Arrest 1664: 4] волнует их гораздо больше, чем вероятное отклонение от истины), они дают понять, что наивным в действительности является тот читатель, который интерпретирует текст Сорбьера буквально. Учитывая, что стороны, по требованию которых составлялся этот акт, сочли «Описание» клеветническим пасквилем, нет ли в этой фразе намек на то, что голландцы и англичане и являются теми наивными читателями, которые не могут увидеть скрытый за «оскорблениями» смысл, очевидный искушенным французам, и понять, что именно «порочит английскую нацию»? Представляется, что хотя обвинение Сорбьеру и было предъявлено по инициативе английских властей, их понимание оскорбительности сочинения существенно отличалось от того, что представлено в тексте ареста.

Карл II, значительную часть жизни проведенный при французском дворе, уже через несколько месяцев заявил, что автор понес достаточное для своего прегрешения наказание и может быть освобожден [Morize 1907: 265], не желая демонстрировать, что отнесся к тексту слишком всерьез. Однако были и те, кто полагал, что подобного решения недостаточно. Уже после ареста книги и ссылки Сорбьера Томас Спрэт, историограф Лондонского королевского общества, опубликовал в 1665 г. на английском языке том под названием «Замечания касательно путешествия в Англию господина де Сорбьера», в котором разобрал все найденные в его тексте негативные суждения об Англии и англичанах и высказал немало нелестных слов в отношении их автора. Учитывая значительный объем язвительной отповеди на «дерзкую клевету на нашу нацию» [Sprat 1665: 2], гнев историографа Лондонского королевского общества должен был быть очень силен. Необычный «неистовый тон» [Roux 1980: 8] ответа Спрэта не раз вызывал удивление у исследователей. Жан-Жюль Жюссеран писал, что текст

явно был написан *ab irato*: «Спрэт был настолько ослеплен гневом, что допустил забавную ошибку при прочтении французского текста своего оппонента» [Jusserand 1895: 190]⁴. Едва ли не единственная современная исследовательница, обратившаяся к этой истории, Лайза Серасон, полагала, что гнев был вызван недопониманием, определявшимся, в свою очередь, различиями в представлениях о том, на каких принципах строится коммуникация, в которую был включен ученый, и превосходно проанализировала их в своей работе [Sarasohn 2004].

Первая треть текста Спрэта, представленного как письмо к еще одному — знаменитому — члену Лондонского королевского общества, сэру Кристоферу Рену, посвящена биографии и характеристике самого автора «Описания». Подробное перечисление всех недостатков и пороков Сорбьера, таких как непостоянство, невежество, надменность и самодовольство, неблагодарность и легкомыслие, является не просто ответом человеку, позволившему себе негативные замечания в отношении некоторых известных англичан. С одной стороны, как отмечал Стивен Шейпин, дискредитация автора в XVII в. была способом дискредитации и его идей, поскольку доверие к достоверности сведений все еще коррелировало с представлениями о социальном статусе автора [Sharin 1995: 69]. Именно то, что преподобный Т. Спрэт публично наносит личные оскорбления оппоненту, лучше всего демонстрирует, что его оценки «Описания путешествия в Англию» как дерзкого пасквиля и грубой сатиры не являются простым полемическим приемом, их следует понимать буквально. Сама потребность в подобном публичном разоблачении того, кто в Англии принимали как члена множества ученых организаций и официального историографа французского короля, была обусловлена тем, что его «Описание» оказалось не таким, какого англичане (по меньшей мере автор ответа⁵) ожидали от человека его положения. Все «замечания» Спрэта являются попыткой состыковать прочитанный им текст с образом человека, его написавшего.

Представляется, что рассуждения Л. Серасон высвечивают лишь часть противоречий по той причине, что она вслед за Спрэтом оценивает Сорбьера в одной-единственной оптике — как натурфилософа, члена ученого сообщества, возможно трезьесортного, коль скоро он способен скорее повторять чужие идеи, нежели делать собственные открытия, но, несомненно, принадлежащего к кругу ученых и говорящего как ученый. Очень показательно, что характеристику, которую Сорбьер дал Кларендону, исследовательница оценивает следующим образом: «Сорбьер принизил происхождение Кларендона и его интеллектуальные способности» [Sarasohn 2004: 223]. Она следует видению Спрэта, защищавшего министра именно от таких нападок, заявляя, что «лорд-канцлер — джентльмен из очень древнего рода, о котором г-н Кэмден упоминает в своей “Британии”», получивший прекрасное образование в отношении «знаний и светских искусств» (под ними Спрэт понимал умение выстраивать отношения с людьми), о чем свидетельствуют его успехи на службе королю [Sprat 1665: 203, 206].

⁴ Сорбьер, перечисляя, какие прозвища французам давали в разных странах, упомянул, в частности, что голландцы прозвали их комарами (*mouchérons*), а Спрэт в своем тексте это слово переделал в *mushrooms*, т. е. грибы. Об этом см.: [Стогова 2020a].

⁵ Учитывая, что Сорбьера не лишили статуса члена Лондонского королевского общества после публикации «Описания», можно предположить, что не все его члены были настроены столь непримиримо.

Однако же Сорбьер, говоря о неспособности Кларендона к тонким суждениям в отношении чего-либо кроме права, ставил под вопрос не столько кругозор министра, сколько его умение с легкостью и увлекательностью поддерживать интересную беседу о чем-либо кроме вопросов права — те навыки светского общения, которые французы ассоциировали с галантностью. Галантность же, в свою очередь, в 1660-е годы в светских кругах французского общества уже начинает пониматься как важная составляющая, определяющая своеобразие (и превосходство) французской культуры. Как писал сам Сорбьер, «...наша галантность, служащая образцом для всех остальных европейских народов и непревзойденная верность монархическому правлению, в котором мы живем более двенадцати столетий, свидетельствуют о нашей учтивости и гуманности» [Sorbière 1660a: 601 (Discours sceptique à monsieur de Martel de la beauté de Paris et de ce qu'il y a d'incommode)]. Кларендон видится ему педантом во французском смысле слова — не просто как человек, получивший очень узконаправленное воспитание и образование (и, значит, не принадлежащий к высшему обществу), а как человек скучный, поскольку все его интересы сводятся к праву, и которому недостает умения быть элегантным, непринужденным и приятным в общении. Еще более показательным является суждение Сорбьера о принимавшем его в Оксфорде математике, члене Лондонского королевского общества Джоне Уоллисе, которым сам Сорбьер остался доволен. Уоллис критиковал взгляды Гоббса, и Л. Серасон полагает, что Сорбьер включает негативные высказывания о нем в свой текст из лояльности к Гоббсу как своему покровителю, что для англичан, чьи отношения в ученом сообществе строились на иных принципах, казалось верхом нелюбезности и неблагодарности [Sarasohn 2004: 220–222]. Спрэт писал:

Геометр (Уоллис. — А. С.) тепло принял его за своим столом. *Историограф* (Сорбьер. — А. С.) стал насмехаться над привычками хозяина⁶. Хотя он и признавал за ним необычайные способности, присущие и ему самому, но при этом оскорбляет за то, что роднит его с членами Сорбонны во Франции и почти всех остальных университетов и с христианскими священниками⁷ [Sprat 1665: 217].

Показательно, что Сорбьер высмеивает главным образом манеры Уоллиса, который ведет себя «сообразно доброму обычаю ученых людей, делающему их смешными в глазах придворных» [Sorbière 1980: 74], из-за неловких манер и склонности к ожесточенным диспутам, равно как и внешнего вида, далекого от элегантности:

В Докторе куда меньше от галантного человека, чем в г-не Гоббсе, и если бы вам довелось увидеть его с этой его шапочкой на макушке, словно он положил на голову свой портфель, завернутый в черный драп и зашитый на манер колпака, вы бы испытали такое острое же-

---

⁶ Здесь и далее курсив приведен в соответствии с оригинальным изданием «Замечаний» Спрэта, где подобным образом выделяются слова, выражения и целые отрывки, заимствованные из сочинения Сорбьера и приведенные в переводе или пересказе.

⁷ Речь идет о профессорском облачении Уоллиса, в особенности о головном уборе, который высмеивает Сорбьер.

лание рассмеяться, что почувствовали бы уважение к сдержанности и любезности моего друга [Ibid.: 77].

В этих характеристиках очень хорошо видно расхождение в понимании любезности, выразившееся в отношении к «французской» (*galanterie*) и «английской» (*gallantry*) галантности в английской культуре эпохи Реставрации, которые подробно разбирает Р. Сколар [Scholar 2020: 32–41].

Это расхождение делает понятным, почему и Сорбьер в свою очередь превращается в «наглого педанта» в глазах Спрэта — человека низкого происхождения, «тщетных претензий на знания», не имеющего представлений о любезности, коль скоро он позволяет себе оскорблять людей, которые с радостью его приняли [Sprat 1665: 255]. Но оно дает возможность понять и его интерпретацию текста Сорбьера, чьи насмешки видятся ему весьма далекими от любезности. И то, с каких позиций Сорбьер и Спрэт оценивают Кларендона и Уоллиса, и то, как Спрэт интерпретирует текст самого французского путешественника, имеет непосредственное отношение к речевому поведению, манере излагать мысли и тому, в какие контексты вписывалось так или иначе выстроенное высказывание. Спрэт оценивает «Описание», исходя из своих представлений о том, каким должен быть текст члена ученого сообщества, т. е. исходит из статуса автора, как он его понимает. Неслучайно для того, чтобы дискредитировать высказанные в тексте суждения, он сначала последовательно разрушает в глазах читателя тот самый образ Сорбьера, на котором основывались его неоправдавшиеся ожидания. Превращая «Описание» в противоположность тому, что должен был бы написать, по его мнению, человек, которого приняли в Лондонское королевское общество, Спрэт, с одной стороны, высвечивает особенности текста, которые подтверждают его собственное суждение, а с другой — пытается дать им свою интерпретацию. И этот перевод текста в другую систему значений очень интересен.

Само обращение Сорбьера к вопросам галантности свидетельствует не только о французской гордости, но и о его принадлежности к тем кругам, в которых этот дискурс имел влияние. Все его сочинения были рассчитаны преимущественно на столичную салонную и придворную публику. В упомянутом выше сборнике писем и рассуждений, вышедшем в 1660 г., например, можно увидеть описание кардинала Мазарини, сделанное на манер литературных портретов, вошедших в моду годом ранее благодаря забаве в салоне мадемуазель де Монпансье. В эти же годы в салоне мадам де Сабле и в окружении Николя Фуке завязалась дискуссия о дружбе, которая нашла отражение в нескольких текстах, и Сорбьер отреагировал на нее публикацией трактата о дружбе, составленного на основе идей Гоббса [Sorbière 1660b]. «Описание путешествия в Англию» не стало исключением, французские исследователи прочитывают его в рамках моралистической традиции и сравнивают с высказываниями таких его современников, как Сент-Эвремон, Таллеман де Рео, Лафонтен, Паскаль и др., и с суждениями мемуаристов. Причем, как отмечала Ноэми Эпп, с последними Сорбьера роднит стремление опираться на факты и избегать откровенно выдуманных историй [Hepp 1983: 273–274].

Его книга была написана в нарочито легкомысленной и увлекательной, далекой от педантизма, ироничной и подчас провокационной манере, которая была так популярна в 1660-е годы во Франции. В салонной литературе и в тек-

стах, так или иначе с нею связанных, стиль имел не меньшее значение, нежели содержание. Остроумие, элегантность и непринужденность ценились в них в той же мере, что и в устной беседе. И многие наблюдения Сорбьера ироничны в своей нарочитой легкомысленности. Говоря о мосте в Рочестере, он обращал внимание на то, как искусно тот украшен парпетом и железной балюстрадой, сделанной для того, «чтобы ветер не срывал с голов шляпы» [Sorbière 1980: 22], а описывая правление Эдуарда I⁸, замечал: «...ему не пришло в голову, что народ не испытывает великой нежности к тем, кто им управляет даже при самых справедливых и умеренных правлениях» [Ibid.: 93–94]. Сорбьер подчеркивал, что его заметки были написаны для развлечения своего покровителя, изначально не предназначались для публикации и должны быть прочитаны в развлекательном ключе, вполне соответствующем общей интонации текста.

Такого рода сочинения очень наглядно демонстрируют, что авторы и читатели XVII в., а особенно второй его половины, неизменно принимали во внимание значение текста как способа коммуникации и зависимость его характеристик от того, между кем и с какой целью она осуществляется. Стиль общения, который ценился в высших кругах Парижа, менее всего предполагал простоту и понятность всем окружающим. Нарочитая легкомысленность стиля Сорбьера была показной, как и откровенная насмешка над англичанами, а наивность, которая обнаруживалась в сетованиях автора на безыскусность своего слога и неумение писать по-настоящему элегантные тексты, была наигранной, как и подчеркивалось в постановлении на арест. В особенности такая «притворная» манера письма была свойственна «философствующим либертенам», к кругу которых также принадлежал Сорбьер, хотя сам и не отличался особым вольнодумством. Как отмечал Кристоф Жирер, нарушение правил и ожиданий составляло основу поведения либертенов, их стиль письма можно назвать субверсивным в той мере, в какой либертен «любил показывать вещи (идеи, авторов, институции) с их дурной стороны» [Girerd 2007: 61].

То, что наблюдения Сорбьера, даже не отличавшиеся оригинальностью, ассоциировались с произведениями либертенов, объясняет ту интерпретацию его текста, которая появляется в постановлении на арест, тем более что «Описание путешествия в Англию» было опубликовано с посвящением Людовику XIV, а вовсе не покровителю, к которому оно обращено. Если мы еще примем во внимание стремление Сорбьера подчеркнуть в своем тексте, что он отправился в путешествие в качестве королевского историографа и, соответственно, «трубача» славы его величества [Sorbière 1980: 156], то вряд ли стоит удивляться акцентированной в постановлении на арест дерзости автора, использовавшего имя короля, чтобы насмеяться над англичанами.

С другой стороны, именно посвящение текста королю свидетельствовало о том, что автор претендует на большее, нежели простое развлечение или насмешка, и читатель не должен обманываться нарочитой легкомысленностью авторского стиля. В конце концов, как отмечал Роже Шартье, посвящение текста королю при Старом порядке было одним из основных способов завоевать расположение монарха [Шартье 2006: 87], и с этой практикой Сорбьер не мог позволить себе шутить. Эта серьезная составляющая была связана

⁸ Английский король Эдуард I Длинноногий (1239–1307, король с 1272) известен тем, что в его правление парламент стал постоянно действующим органом.

с желанием понять и «передать подлинную идею гения наций», которая должна руководить любознательным и ученым путешественником [Sorbière 1660a: 647 (Lettre à monsieur Vitre de l'utilité des grands voyages et de la lecture des relations)]. Луи ван Дельфт вслед за Ноэми Эпп неслучайно встраивал «Описание» Сорбьера во французскую моралистическую и «антропологическую» традицию, ключевой категорией которой являлся «характер». «Характер» можно описать как специфический для раннего Нового времени дискурс, который пронизывал во французской литературе целый ряд жанров, имевших отношение к познанию и описанию человеческой природы. Сам ван Дельфт, автор ставшего уже классическим анализа характеров во французской классицистической литературе, обращал внимание на то, что понятие «характер» объединяло множество высказываний, построенных по одному типу «классифицирующего суждения». В силу этого они были основаны на существовавших топосах, которые, однако, не оставались неизменными, но трансформировались в том числе в зависимости от того, в рамки какого высказывания они оказывались встроены [van Delft 1993: 94]. Характеры, восходящие к Теофрасту, подразумевали выявление уникального набора и особенностей проявления добродетелей и пороков, которые сами по себе имели общечеловеческую природу. Текст Сорбьера, восхвалявший столь же многие особенности характера англичан и английской культуры, сколь и критиковавший, прекрасно вписывается в эту оптику рассмотрения моделей поведения людей. В своем письме о пользе путешествий и чтении травелогов он писал, что сам во время путешествий старается непредвзято судить обо всем, представляющемся необычным в поведении людей другой культуры,

...но, в конце концов, если у меня есть время остаться в другой стране достаточно долго, я начинаю обнаруживать, что повсюду люди разноразны в равной мере (...). Так что те небольшие различия, которые можно заметить между французом и испанцем, итальянцем и немцем кажутся слишком незначительными, чтобы дать тому, в ком они замечены, какие-то предпочтения, которые не происходили бы из общих рассуждений о гении и природе всех людей [Sorbière 1660a: 649].

Для французов рассуждения о другой нации, в особенности критические (включая критику морали со стороны либертенов), вписывались в логику моралистической литературы разного толка. Более того, сама двусмысленность, возможность играть значениями, переходить от серьезного к легкомысленному и обратно, сочетать насмешку и анализ виделась особой чертой национальной литературы, позволявшей выстраивать дистанцию между французской искусственностью и наивностью всех остальных. Эта моралистическая позиция и некоторое удивление от того, что англичане все же оказались не совсем наивными, заметна в оценке, которую Сорбьер дает тексту, который он полагает сходным со своим собственным, — анонимно изданному «Характеру Англии», написанному в 1652 г. Джоном Ивлином⁹:

⁹ Сорбьер не знал английского языка, однако был знаком с содержанием этого сочинения, он довольно точно пересказывает пассаж из «Характера Англии». Вероятно, это знание было почерпнуто из бесед, в таком случае одной из самых вероятных фигур был сам Джон Ивлин,

Надо отдать им должное (с чего я и хочу начать), они сами не осудили бы откровенность, с какой я говорю, если бы я писал на их языке. Они находят удовольствие в том, чтобы слушать правду, и даже опубликовали в Лондоне несколько раз свой характер — книгу, в которой их соотечественник не стесняется говорить о том, что следовало бы исправить [Sorbière 1980: 7].

Спрэт крайне негативно отнесся к идее, что склонность к высмеиванию и сатире соответствует национальному характеру англичан:

Он говорит об этом так, словно это было нечто, утвержденное актом Парламента и авторитетом всего государства. На самом же деле, сэръ, как вы можете помнить, это был небольшой памфлет, вышедший под названием «Характер Англии» около шести лет назад, но он преподносился как перевод с французского. Хорошо, давайте предположим, что его написал англичанин, который не хотел быть опознанным. Имеет ли господин де Сорбьер основания делать из этого вывод, что вся английская нация часто публично описывает свой характер? [Sprat 1665: 51–52].

Однако Спрэт оценивает критику уже не столько в моралистическом, сколько в политическом ключе, что хорошо заметно при сравнении правомочности такого высказывания со стороны «своего», английского критика и Сорбьера:

Первый из них был опубликован во времена тирании последнего узурпатора. И хотя он был очень суров по отношению к англичанам во многих вещах, по большей части это было сказано с добрыми намерениями, ради улучшения печального положения тех лет и многих дурных обычаев, которые установились во время гражданских войн. И теперь, сударь, я прошу вас обратить внимание на то, через какой пример он оправдывает себя самого. Ибо первая сатира на нашу нацию пишется во времена распущенности и смятения, но теперь он дополняет ее еще худшей, в то время как мы добились мира и процветания. Очевидным образом он считает достаточным оправданием того, что он пишет против нравов англичан, то, что сами англичане говорили то же самое, когда они были под властью Оливера и Ричарда¹⁰ [Ibid.: 57–58].

входивший в число основателей и активных членов Лондонского королевского общества. Любопытно, что биографические сведения о Сорбьере, а также некоторые идеи, который Спрэт использовал в своем тексте, он получил именно от Ивлина. Негодование последнего было усилено не только тем, что Сорбьер посмел апеллировать к его собственному тексту. Буквально накануне путешествия Сорбьера, в 1662 г., Ивлин опубликовал работу «Скульптура, или Искусство каллиграфии и гравюры на меди», к которой приложил перевод небольшого рассуждения Сорбьера, весьма высоко им оцененного. В одном из своих писем Ивлин перечисляет все сведения об «этом сатирике», которые могут его скомпрометировать, начиная с низкого происхождения и заканчивая обращением в католицизм, обесчестившим Сорбьеру должность историографа и две пенсии. Он обличает Сорбьера в «злых обвинениях» и «унижении нации» [Evelyn 2014: 341], в том, что он делает выводы на основе случайных, незначительных фактов и опускает «тысячи других деталей, достойных упоминания» [Ibid.: 342].

¹⁰ Оливеру Кромвеллю как лорду-протектору наследовал его сын Ричард.

В конечном счете Спрэт обвиняет Сорбьера в том, что он «позволяет себе такую вольность только потому, что Охвостье позволило Мильтону написать злобную книгу против светлой памяти покойного короля¹¹» [Ibid.: 59].

Эта ассоциация текста с политикой в большей степени, нежели с моралью, определяется тем, что для англичан суждения о характере нации имели совсем другие коннотации. Л. ван Дельфт отмечал, что в противовес французскому опыту множества интерпретаций в Англии рассуждения о национальном характере оказались связаны с одним-единственным жанром — сатирическим памфлетом [van Delft 1993: 97–104]. Такое положение дел касалось не только характеров наций, но и в целом традиции, восходящей к Теофрасту. В период революции и гражданской войны высказывания, выстроженные по типу характеров, активно использовались в политической полемике, в сочинениях, призванных обличать и высмеивать поведение тех или иных социальных групп [Стогова 2020b]. Подобные издания наглядно демонстрировали социальный и политический критический потенциал высмеивания, представления противника с позиций интеллектуального, нравственного, культурного превосходства. И, учитывая ироничность и нарочитую легкомысленность текста Сорбьера, неудивительно, что Спрэт воспринял его именно как политический памфлет. В этом отношении он (с точки зрения французов) действительно выступает в качестве того наивного читателя, который не понимает, какие литературные конвенции определили создание «Описания» и как его правильно читать.

Спрэт оценивает текст Сорбьера, исходя из совсем других критериев. Учитывая, что подобные памфлеты не просто дискредитировали оппонентов, но и определяли позицию собственного превосходства, Спрэт начинает с того, что дает своим читателям объяснение причин, которые не позволяют считать Сорбьера человеком, имеющим право критиковать англичан, их культуру и национальный характер, а его суждения — адекватными. Он видит в описаниях, сделанных французом, высокомерную позицию человека, «приехавшего цивилизовать варварскую нацию» [Sprat 1665: 27], — позицию, на которую не может претендовать человек столь малых достоинств. В подтверждение своего тезиса Спрэт приводит отрывок из «Описания», посвященный самому началу путешествия. Сорбьер не уделял внимания достопримечательностям, встречавшимся на его пути на территории Франции, ограничившись описанием маршрута передвижения. Единственной диковинкой, достойной упоминания, оказались его попутчики — польские дворяне, которые прекрасно говорили на латыни и довольно сносно объяснялись на французском, чью компанию он нашел весьма занимательной: «Один из них превосходно играл на скрипке и устраивал танцы дважды в день, куда бы мы ни прибыли» [Sorbière 1980: 3]. Невнимательность к французским городам и нравам местных жителей кажется вполне понятной, коль скоро текст адресован самим французам и отсылает к рассказам Сорбьера о своем предыдущем путешествии в Голландию, где эти места уже были описаны [Ibid.: 2–3]. Однако Спрэт полагает неслучайным и

¹¹ Речь идет о памфлете Мильтона «Иконоборец» (Eikonoklastes), написанном как ответ на крайне популярное пророялистское сочинение «Образ короля, портрет его священного величества в одиночестве и страданиях» (Eikon Basilike), в котором Карл I был представлен невинномучеником. Памфлет Мильтона был опубликован после казни короля в октябре 1649 г., и потому сатира видится Спрэту особенно кощунственной.

весьма показательным тот факт, что именно поляки стали единственным объектом любознательности Сорбьера:

Вас не может не восхитить выбор, который он сделал. Человек, который взялся за критику и исправление манер, за продвижение новшеств, который говорит ни больше ни меньше, как о соперничестве с музами, не нашел ничего достойного упоминания о своем путешествии от Парижа до Кале, кроме музыки и танцев поляков. Видя его познания в одном из свободных искусств, наблюдая, насколько он, будучи в самой Франции, восхищен краковской или варшавской скрипкой, я удивляюсь, что он отправился в Англию в поисках философии. Не стоило ли ему вместо этого поехать в знаменитый Московский университет? [Sprat 1665: 27–28].

Представляя данный отрывок как результат выбора объекта, достойного описания, отмечая, что взгляд Сорбьера направлен не на превосходные достижения французской культуры, а на ничтожные развлечения варваров, Спрэт тем самым дискредитирует все претензии Сорбьера (чье невежество соответствует уровню «знаменитого» еще не существовавшего Московского университета) на то, что он способен вынести компетентное суждение об англичанах.

Дистанция между искусственностью и наивностью осмысливается им в контексте оппозиции между цивилизованностью и варварством, которая в Англии XVII в. имела значение в первую очередь в связи с колониальным и интеллектуальным освоением мира. В основе этого противопоставления лежало специфическое отношение к тому, какие удивительные и необычные явления могут и должны вызывать интерес путешественника и, соответственно, к фигуре самого любопытствующего исследователя. И как раз Лондонское королевское общество известно тем, что оно разрабатывало инструкции, которые позволили бы путешественникам точно и объективно описывать даже самые необычные и варварские культуры. В 1660-е годы в выпускавшемся обществом журнале «The Philosophical Transactions»¹² был опубликован целый ряд подобных текстов, которые требовали от путешественников «проверять факты, разоблачая ложь своих предшественников» [Pearl 2012: 79]. Как отмечал Джейсон Пёрл, эти инструкции подразумевали стремление к устранению необычностей и девиации, «даже к их нормализации и аннулированию, тем самым лишая необычные места их странных характеристик» [Ibid.]; знание и понимание преподносились как более просвещенная и цивилизованная позиция по отношению к чужой культуре, нежели удивление и осуждение.

Коль скоро у Сорбьера речь идет не о далеких землях и варварских народах, а о самих англичанах, в критике Спрэта гораздо отчетливее и болезненнее проявляется проблема авторитета исследователя чужой культуры, в особенности такого, который подчеркивает ее инаковость. Спрэт атакует позицию, с которой Сорбьер описывает Англию и англичан, видя в ней неоправданно высокомерный взгляд со стороны. Сравнение англичан, какими их описывает Сорбьер, с варварами неоднократно возникает в тексте Спрэта:

---

¹² Журнал выпускался Генри Ольденбургом, который встречался с Сорбьером во время его пребывания в Лондоне.

Я могу показать ему несколько томов записок о путешествиях наших соотечественников в Россию, Персию, Египет, Турецкую империю, Ост-Индию и Америку, в которых дается более благоприятный отзыв об этих неверных и варварах, нежели он дал об одной из самых любезных стран Европы. В своих трудах англичане описали и зарисовали все части света, посетили их все, а многие — открыли. И я осмелюсь уверить его, что они всегда были очень чувствительны к репутации других государств, в которые отправлялись с визитом, и великодушно щадили кровь местных жителей в тех странах, которые открывали [Sprat 1665: 60–61].

Позиция исследователя чужих культур, которая формулируется в текстах различных членов Лондонского королевского общества, интересна тем, что она становится элементом британской идентичности. Как показывают исследования, в Англии второй половины XVII — XVIII в. под влиянием эмпиризма и фигуры Френсиса Бэкона происходила постепенная переинтерпретация любопытства, вокруг которой выстраивалась деятельность Лондонского королевского общества, в контексте не просто серьезного научного полезного изучения мира. Одна из самых известных исследовательниц культуры любопытства, Барбара Бенедикт, отмечала, что «в период Реставрации материальные, письменные и социальные проявления любопытства бросали вызов современным границам знания и определениям очевидности и ценности: что может и должно оставаться тайным? кто может или должен интересоваться (и чем)? кто является любознательным и какое любопытство допустимо или способствует организации моральной и политической власти в обществе?» [Benedict 2001: 28]. «Серьезное» исследовательское любопытство, «осуществляемое в национальных интересах, обретало этическое значение» [Ibid.: 198] и противопоставлялось суетному, поверхностному любопытству ради развлечения, а развитие научной культуры исследования мира становилось предметом национальной гордости и важной составляющей формирующегося национального дискурса.

Как демонстрирует не только приведенный выше пассаж, но и весь текст Спрэта, Сорбьер, по его мнению, в силу личных недостатков и низкого происхождения неверно выбирает то, что достойно описания, упуская все важное и серьезное и обращая внимание на необычные и диковинные вещи, не имеющие никакой познавательной ценности¹³. Именно развлекательность как цель написания подобного текста и ставится ему в упрек. С одной стороны, критика текста Сорбьера это одновременно и критика доминировавшей до сих пор в травелогах манеры представлять читателю варварские земли и народы, когда интерес к необычному и экзотическому перевешивал внимание к важному и ценному, а описание превалировало над объяснением. Она, с точки зрения Общества, плоха для характеристики любых территорий и культур в силу своей неинформативности, но она оказывается категорически неприемлемой, когда объектом становятся сами англичане. Даже весьма благосклонный отзыв Сорбьера о Лондонском королевском обществе раздражает Спрэта, по-

¹³ «Где тогда его философское любопытство? Где его тяга к познанию хороших вещей? Где его любовь к великим и удивительным искусствам?» [Sprat 1665: 44–45].

скольку француз «описывает предмет, который мог бы дать его перу так много благородных тем», но в нем незаслуженно много внимания уделяется всевозможным процедурам и церемониям, которые удивляют француза, но которые нужны лишь затем, чтобы «избежать путаницы», [Sprat 1665: 239].

Очень показательно, что критика Спрэта относится не только к тому, что Сорбьер имеет наглость осуждать англичан с позиции превосходства, но и к тому, как строится его текст. Он вовсе не слеп в отношении стилистических особенностей текста, совсем напротив, небрежная ирония и развлекательность постоянно привлекают его внимание и ассоциируются не только с сатирой, гипертрофирующей частные недостатки и упускающей общие достоинства, но и с легкомысленностью развлекательных текстов. Образ англичан, нарисованный Сорбьером и призванный развлечь читателя, связан, с точки зрения Спрэта, с предосудительной поверхностностью взгляда в отношении вопросов крайне серьезных. Неспособность французского путешественника остановить взгляд на достойных объектах, встречающихся на его пути, внимание к деталям, которые могут показаться необычными или занятными, в ущерб более важным характеристикам, являющимся объектом критики Спрэта в начале его «Замечаний», объясняют и неспособность Сорбьера проникнуть в суть вещей более серьезных, таких как политика или религия. Недостойное, суетное любопытство Сорбьера связывается им с тягой к развлечениям и со стремлением к витиеватому, изящному стилю письма. Это позволяет Спрэту уподобить текст «Описания» роману, возбуждающему интерес читателей за счет изображения диковинных обстоятельств и причудливых поворотов сюжета, которые ассоциировались у него с французской литературой. Он сравнивает Сорбьера с известной французской романисткой мадемуазель де Скюдери, полагая его манеру письма столь «романтической», что та может ему позавидовать [Sprat 1665: 43].

Вывод о «романтической» манере повествования Сорбьера подтверждается Спрэтом следующим примером, полностью игнорирующим иронию автора:

...он высоко оценивает удобную форму моста в Рочестере, которая, как он пишет, настолько хитроумна, что не позволяет сдуть с мужчин шляпы. Кто может отрицать, что он проявляет себя как основательный и достойный доверия рассказчик? Но я прошу вас заметить, сударь, что он уделяет куда больше времени разговорам о каждой из подобных безделиц, нежели величественнейшему зданию Арсенала в Чаттеме, который расположен сразу за этим мостом. О нем он лишь замечает мимоходом, что там строятся наши военные суда и ставятся на прикол после возвращения. Не выдает ли он тем самым непреднамеренно легкомысленность своего ума? [Sprat 1665: 43–44].

Ассоциация с текстами романов, причем сугубо негативная, появляется у Спрэта отнюдь не случайно. Как показывает исследование Кори Мак-Илни, романы активно критиковались как «бессмысленные» тексты — увлекающие и отвлекающие читателя, но не приводящие его ни к какому полезному выводу или размышлению, а напротив, вводящие его в заблуждение [McEleney 2017: 65–126 (chapters 3–4)]. Идущая же от Средневековья традиция описывать свои путешествия на манер рыцарских завоеваний в течение XVII сто-

летия все больше ассоциировалась с фантазийностью, недостоверностью и бесполезностью романов [Goodman 1998]. Причем наиболее заметную роль в этом процессе сыграло опять же Лондонское королевское общество, продвигавшее новую рациональную и полезную модель описания, которую Спрэт в «Истории Лондонского королевского общества», изданной в 1667 г., описывал следующим образом:

Они (руководители Общества. — А. С.) добились от всех своих членов краткой, простой, естественной манеры речи, четких выражений, ясных значений, природной простоты... [Sprat 1667: 113].

Такая манера повествования противопоставлялась стилистике травелогов XVI — первой половины XVII в., напоминавшей о рыцарях, покоряющих неведомые земли в рыцарских романах. Эта аналогия имела отношение, с одной стороны, к дискредитации ненадежного, «тщеславного и надуманного свидетельства» [Pearl 2012: 79], а с другой — к критике ложной оппозиции между завоевателем и варваром, ибо удивление перед terra incognita, свойственное рыцарским романам, само по себе воспринималось как варварское, готическое, средневековое. Причем подобные романы все больше ассоциировались с французской литературой, что в XVIII в. станет уже общим местом английской критики [Warner 1998: 21].

С точки зрения Спрэта, пытаясь описать не только достопримечательности, но и важнейшие аспекты, составляющие английскую культуру — «нравы людей, национальные характеры, правительственные тайны», — Сорбьер скользит взглядом по поверхности, выхватывая лишь поражающие воображение «курьезности» и не проникая в суть этих явлений, понимание которых «представляет собой, вероятно, самую сложную задачу для человеческого ума» [Sprat 1665: 50]. Сорбьер оказывается одновременно и надменным рыцарем, удивляющимся тому, что ему непонятно, и автором варварского по своей сути описания. Причем, хотя Спрэт оговаривает, что критикует только Сорбьера, а не всю французскую нацию, подобный фантазийный «романтический» стиль связывается им именно с французской литературой [Ibid.: 245].

Вся эта история показывает, что ответ Спрэта на сочинение Сорбьера вовсе не был столь спонтанным, необдуманным и неадекватно яростным, как может показаться на первый взгляд. Напротив, Спрэт очевидным образом использует скандал, разразившийся вокруг текста Сорбьера, и интерес к нему для продвижения идей нового знания и деятельности Лондонского королевского общества, не дожидаясь, пока закончит свою «Историю», преследовавшую именно эту цель. С другой стороны, его сочинение демонстрирует, что обстоятельства этого скандала (помимо сугубо политических разногласий и интересов) были связаны не только с характером английской нации и теми пороками, которые ему приписал Сорбьер. В конечном счете, в этом действительно не было ничего нового. Оскорбление виделось в том, как этот характер был представлен в публичном тексте. И англичанами, по меньшей мере Спрэтом, и французами текст был прочитан в контексте тех дискурсов и типов текстов, в рамках которых в Англии и Франции 1660-х годов выстраивалась дистанция между обладающими знаниями, искушенным автором высказывания и объектом его рассмотрения, а равным образом и читателем. Они оказались очень разными

в первую очередь в их отношении к литературно-риторическим характеристикам текста, и эти различия определялись теми разнообразными культурными процессами и полемиками, которые шли в рамках одной и другой культуры. И поскольку эти различия неизбежно, в силу все более интенсивных культурных контактов становились заметными, они обрастали национальными коннотациями, тем самым конституируя национальные дискурсы.

Источники

- Arrest 1664 — Arrest du Conseil d'Etat rendu contre un livre intitulé "Relation d'un voyage en Angleterre" composé par le sieur de Sorbière, au désavantage de la nation anglaise et du roy de Danemark. Paris: Impr. ord. du Roi, 1664.
- Evelyn 2014 — *Evelyn J. Epistle CCXX to Mr. Sprat, chaplain to the Duke of Buckingame*, 31.10.1664 // Evelyn J. *The Letterbooks of John Evelyn* / Ed. by D. D. C. Chambers, D. Galbraith. Vol. 1. Toronto; Buffalo; London: Univ. of Toronto Press, 2014. P. 338–342.
- Jusserand 1895 — *Jusserand J. J. A journey to England in the year 1663* // *Jusserand J. J. English essays from a French pen*. New York: G. P. Putnam's sons; London: T. Fisher Unwin, 1895. P. 158–192.
- Morize 1907 — *Morize A. Samuel Sorbière (1610–1670) et son "Voyage en Angleterre" (1664)* // *Revue d'Histoire littéraire de la France*. 1907. № 2. P. 231–275.
- Sorbière 1660a — *Sorbière S. Lettres et discours de M. de Sorbière sur diverses matières curieuses*. Paris: Chez François Clovsius, 1660.
- Sorbière 1660b — *Sorbière S. De l'amitié. À M. de Vaubrun, comte de Nogent*. Paris: Chez Estienne Loysen, 1660.
- Sorbière 1980 — *Sorbière S. Relation d'un voyage en Angleterre: où sont touchées plusieurs choses, qui regardent l'estat des sciences, & de la religion, & autres matières curieuses*. Saint-Etienne: Université de Saint-Etienne, 1980.
- Sprat 1665 — *Sprat Th. Observations on Monsieur de Sorbier's "Voyage into England" written to Dr. Wren, professor of astronomy in Oxford*. London: Printers for the Royal Society, 1665.
- Sprat 1667 — *Sprat Th. The history of Royal Society of London, for the improving of natural knowledge*. London: T. R. for J. Martin, 1667.

Литература

- Стогова 2020a — *Стогова А. О грибах, комарах и французах: политика ошибок Лондонского королевского общества* // *Казус: Индивидуальное и уникальное в истории* — 2020. Вып. 15 / Под ред. О. Тогоевой, И. Данилевского. М.: Индрик, 2020. С. 94–110.
- Стогова 2020b — *Стогова А. В. «Опубликовать наш позор ради наставления нации»: Характер Англии Джона Ивлина в интеллектуальном контексте второй половины XVII века* // *Диалог со временем*. Вып. 73. 2020. С. 226–240.
- Шартье 2006 — *Шартье Р. Письменная культура и общество* / Пер. с фр. М.: Нов. изд-во, 2006.
- Benedict 2001 — *Benedict B. M. Curiosity: A cultural history of early modern inquiry*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2001.
- Di Biase 2006 — *Travel and translation in the early modern period* / Ed. by C. G. Di Biase. Amsterdam; New York: Rodopi, 2006.
- Evans, Marr 2006 — *Curiosity and wonder from the Renaissance to the Enlightenment* / Ed. by R. J. W. Evans, A. Marr. Farnham: Ashgate, 2006.

- Girerd 2007 — *Girerd Ch.* La sagesse libertine. Paris: Bernard Grasset, 2007.
- Goodman 1998 — *Goodman J. R.* Chivalry and exploration, 1298–1630. Woodbridge: Boydell and Brewer, 1998.
- Hepp 1983 — *Hepp N.* Les nations européennes sous le regard des mémorialistes françaises au temps de Louis XIII et de Mazarin // Pouvoir, ville et société en Europe (1650–1750). Colloque international du CNRS (octobre 1981) actes. Strasbourg: Association des Publications près les Universités de Strasbourg, [1983]. P. 265–277.
- Jones 2019 — *Jones D. M.* From wonder to curiosity in early modern travel writing: PhD thesis / Univ. of Liverpool. Liverpool, 2019.
- McEleney 2017 — *McEleney C.* Futile pleasures: Early modern literature and the limits of utility. New York: Fordham Univ. Press, 2017.
- Pearl 2012 — *Pearl J. H.* Geography and authority in the Royal Society’s instructions for travelers // Travel narratives, the new science, and literary discourses 1569–1750 / Ed. by J. A. Hayden. Burlington: Ashgate, 2012. P. 71–83.
- Pincombe 2004 — Travels and translations in the sixteenth century: Selected papers from the Second International Conference of the Tudor Symposium / Ed. by M. Pincombe. Aldershot: Ashgate, 2004.
- Roux 1980 — *Roux L.* Introduction // Sorbière S. Relation d’un voyage en Angleterre: où sont touchées plusieurs choses, qui regardent l’estat des sciences, & de la religion, & autres matières curieuses. Saint-Etienne: Université de Saint-Etienne, 1980. P. 7–27.
- Sarasohn 2004 — *Sarasohn L. T.* Who was the gentleman? Samuel Sorbière, Thomas Hobbes and the Royal Society // History of Science. Vol. 42. No. 2. 2004. P. 211–232.
- Scholar 2020 — *Scholar R.* Émigrés: French words that turned English. Princeton: Princeton Univ. Press, 2020.
- Sell 2006 — *Sell J. P. A.* Rhetoric and wonder in English travel writing, 1560–1613. Aldershot: Ashgate Publishing, 2006.
- Shapin 1995 — *Shapin S.* A social history of truth: Civility and science in seventeenth-century England. Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 1995.
- Suranyi 2008 — *Suranyi A.* The Genius of the English nation: Travel writing and national identity in early modern England. Newark: Univ. of Delaware Press, 2008.
- van Delft 1993 — *van Delft L.* Littérature et anthropologie. Nature humaine et caractère à l’âge classique. Paris: Presses Universitaires de France, 1993.
- Warner 1998 — *Warner W. B.* Licensing entertainment: The elevation of novel-reading in Britain, 1684–1750. Berkeley: Univ. of California Press, 1998.

References

- Benedict, B. M. (2001). *Curiosity: A cultural history of early modern inquiry*. Univ. of Chicago Press.
- Chartier, R. (1996). Le Prince, la bibliothèque et la dédicace. In M. Baratin, & C. Jacob (Eds.). *Le Pouvoir des bibliothèques: La mémoire des livres en Occident* (pp. 204–223). Albin Michel. (In French).
- Di Biase, C. G. (Ed.) (2006). *Travel and translation in the early modern period*. Rodopi.
- Evans, R. J. W., & Marr, A. (Eds.) (2006). *Curiosity and wonder from the Renaissance to the Enlightenment*. Ashgate.
- Girerd, Ch. (2007). *La sagesse libertine*. Bernard Grasset. (In French).
- Goodman, J. R. (1998). *Chivalry and exploration, 1298–1630*. Boydell and Brewer.

- Hepp, N. (1983). Les nations européennes sous le regard des mémorialistes françaises au temps de Louis XIII et de Mazarin. In *Pouvoir, ville et société en Europe (1650–1750). Colloque international du CNRS (octobre 1981) actes* (pp. 265–277). Association des Publications près les Universités de Strasbourg. (In French).
- Jones, D. M. (2019). *From wonder to curiosity in early modern travel writing* (PhD Thesis, Univ. of Liverpool).
- McEleney, C. (2017). *Futile pleasures: Early modern literature and the limits of utility*. Fordham Univ. Press.
- Pearl, J. H. (2012). Geography and authority in the Royal Society's instructions for travelers. In J. A. Hayden (Ed.). *Travel narratives, the new science, and literary discourses 1569–1750* (pp. 71–83). Ashgate Publishing.
- Pincombe, M. (Ed.) (2004). *Travels and translations in the sixteenth century: Selected papers from the Second International Conference of the Tudor Symposium*. Ashgate.
- Roux, L. (1980). Introduction. In S. Sorbière. *Relation d'un voyage en Angleterre: où sont touchées plusieurs choses, qui regardent l'estat des sciences, & de la religion, & autres matières curieuses* (pp. 7–27). Université de Saint-Etienne. (In French).
- Sarasohn, L. T. (2004). Who was the gentleman? Samuel Sorbière, Thomas Hobbes and the Royal Society. *History of Science*, 42(2), 211–232.
- Scholar, R. (2020). *Émigrés: French words that turned English*. Princeton Univ. Press.
- Sell, J. P. A. (2006). *Rhetoric and wonder in English travel writing, 1560–1613*. Ashgate Publishing.
- Shapin, S. (1995). *A social history of truth: Civility and science in seventeenth-century England*. Univ. of Chicago Press.
- Stogova, A. (2020a). O gribakh, komarakh i frantsuzakh: politika oshibok Londonskogo korolevskogo obshchestva [On mushrooms, gnats and the French: The London Royal Society's policy of error]. In O. Togoëva, & I. Danilevskii (Eds.). *Kazus: Individual'noe i unikal'noe v istorii — 2020* (Vol. 15, pp. 94–110). Indrik. (In Russian).
- Stogova, A. V. (2020b). “Opublikovat' nash pozor radi nastavleniia natsii”: Kharakter Anglii Dzhona Ivliina v intellektual'nom kontekste vtoroi poloviny XVII veka [“To publish our shame for the instruction of the nation”: A Character of England by John Evelyn in the intellectual context of the second half of the 17th century]. *Dialog so vremenem*, 73, 226–240. (In Russian).
- Suranyi, A. (2008). *The Genius of the English nation: Travel writing and national identity in early modern England*. Univ. of Delaware Press.
- van Delft, L. (1993). *Littérature et anthropologie. Nature humaine et caractère à l'âge classique*. Presses Universitaires de France. (In French).
- Warner, W. B. (1998). *Licensing entertainment: The elevation of novel-reading in Britain, 1684–1750*. Univ. of California Press.

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Анна Вячеславовна Стогова

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник, Отделение
историко-теоретических исследований,
Институт всеобщей истории РАН
Россия, 119774, Москва, Ленинский пр-т,
д. 32а
Тел.: +7 (495) 938-12-02
✉ anna100gova@yandex.ru

Anna V. Stogova

Cand. Sci. (History)
Senior Researcher, Department of Studies
in Theory of History, Institute of World
History, Russian Academy of Sciences
Russia, 119774, Moscow, Leninsky
Prospekt, 32a
Tel.: +7 (495) 938-12-02
✉ anna100gova@yandex.ru